
СЕЛЕСТА РАЙС
Багровое наследие
МЁРТВЫХ СПИСЫВАЮТ
ЖИВЫХ ИСПОЛЬЗУЮТ
18+

Селеста Райс
Багровое наследие

https://litres.ru/74814723
SelfPub; 2026

Аннотация

Сесилия Арден привыкла к опасностям службы безопасности оборотней. Но впервые сталкивается с человеком, который отчаянно боится собственного спасения.

Обычное задержание оборачивается расследованием. Поддельные документы, исчезнувшие пациенты и следы запрещённых экспериментов заставляют Сесилию усомниться в том, что происходящее случайно.

Кассиан де Вальтерис, верховный комиссар безопасности вампирского государства, расследует похожие преступления. Некоторые улики возвращают его к прошлому, о котором он предпочёл бы забыть.

Их пути пересекаются. Взаимное раздражение постепенно сменяется опасным притяжением, но доверять друг другу они не спешат.

Тем временем эксперименты продолжаются. И вскоре выясняется, что преступников интересует не столько расследование, сколько сама Сесилия.

Они искали её задолго до того, как она узнала об их существовании.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 25
Глава 3 51

Селеста Райс
Багровое наследие

Глава 1

Глава 1. Мёртвые не возвращаются

Моя мать считала, что однажды я непременно погибну из-за собственной самоуверенности. Отец утверждал, что раньше меня прикончит длинный язык, а старший брат был уверен, что причиной моей безвременной кончины станет исключительно неумение вовремя заткнуться. Удивительно, насколько дружной бывает семья, когда речь заходит о твоей смерти.

— Сесилия, ты меня вообще слушаешь?

Я прижала телефон плечом к уху, пытаясь одновременно застегнуть куртку, убрать с лица длинные белые волосы и отыскать ключи от квартиры. Последние обнаружились в кармане вчерашних брюк, брошенных на спинку кресла. Рядом валялась одна из моих серёжек. Где находилась вторая, я предпочла не задумываться.

— Конечно, мам. Ты говорила, что я совершенно безответственная и однажды доведу тебя до сердечного приступа.

— Я сказала, что ты снова не позавтракала.

— Это практически одно и то же.

Эвелин Арден тяжело вздохнула. Я почти видела, как она поправляет очки и поджимает губы, пытаясь решить, стоит ли продолжать лекцию. Мама работала врачом больше двадцати лет и обладала удивительной способностью превращать обычный телефонный разговор в полноценный медицинский осмотр.

— Тебе двадцать два года, Сеси. Неужели так сложно наладить нормальный режим?

— Мне двадцать два, а не двести. Впереди ещё целая вечность для полезных привычек.

— Особенно если ты продолжишь возвращаться домой с переломами.

— Последний был три месяца назад.

— Шесть недель, дорогая.

Проклятье. У врачей слишком хорошая память. Я сунула телефон в карман, предварительно пообещав матери нормально поесть и не ввязываться в неприятности. Второе обещание она даже не стала комментировать. Лифт, разумеется, решил, что сегодня ему требуется заслуженный отдых. Пришлось спускаться по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Для оборотня это не представляло сложности, но я всё равно мысленно пожелала управляющей компании долгих лет ремонта.

Во дворе меня уже ожидала служебная машина. Дариан Кросс сидел за рулём, взъерошив короткие пепельно-русые волосы, с выражением человека, которому давно наскучило

существование окружающих. Он выглядел расслабленным, но серо-зелёные глаза то и дело возвращались к зеркалам и перекрёстку впереди. Рейна Моррис устроилась рядом и задумчиво рассматривала бумажный стаканчик кофе. Густые тёмно-каштановые волосы она собрала на затылке, открыв выразительные скулы. Увидев меня, Рейна подняла янтарно-карие глаза и посмотрела на часы.

— Семь минут, — сообщил Дариан вместо приветствия.

— Доброе утро. Ты сегодня особенно очарователен.

— Семь минут опоздания.

— А я думала, ты считаешь, сколько времени нам осталось до обеда.

Рейна протянула мне второй стаканчик, который предусмотрительно купила по дороге. Я с благодарностью приняла напиток и забралась на заднее сиденье. За годы совместной работы мы успели узнать друг о друге достаточно, чтобы не тратить время на бессмысленные любезности. Дариан ворчал, Рейна командовала даже вне службы, а я, по их общему мнению, являлась неисправимым источником неприятностей. При этом ни один из них почему-то не спешил менять напарника.

— Что у нас сегодня? — спросила я, пристёгиваясь.

Рейна передала мне планшет.

— Предположительно Надломленный. Мужчина, тридцать четыре года, оборотень. Последние несколько дней ведёт себя неадекватно. Вчера напал на прохожего, а при по-

пытке задержания серьёзно ранил двоих патрульных.

Я открыла фотографию. На экране улыбался ничем не примечательный мужчина с короткими каштановыми волосами. Рядом с ним стояла маленькая девочка в красном пальто, обнимая огромного плюшевого медведя. Судя по счастливым лицам, снимок сделали во время какого-то семейного праздника. Следующая фотография выглядела совсем иначе. Тот же мужчина стоял посреди улицы босиком, с разбитыми в кровь руками. Рубашка висела лохмотьями, лицо осунулось, а глаза смотрели куда-то сквозь объектив.

— Когда сделаны снимки?

— Первый две недели назад. Второй вчера, — ответил Дариан.

Я приблизила изображение. На шее мужчины виднелись тонкие красноватые полосы, почти скрытые воротником.

— Он проходил лечение?

— Да. Частная клиника. Выписан одиннадцать дней назад в удовлетворительном состоянии.

— Очень удовлетворительном, — пробормотала я.

Рейна обернулась. Я показала ей фотографию и указала на шею мужчины.

— Похоже на следы медицинских процедур. Только расположены слишком аккуратно.

— Криминалисты проверят, если подтвердим личность, — ответила она.

Я кивнула и продолжила изучать документы. Последние

годы работа всё чаще напоминала бесконечную попытку разобраться в чужом безумии. Заражённые встречались и раньше, но некоторые случаи не укладывались даже в привычную классификацию. Искажённые, Надломленные, Стабильные. Три названия, которыми врачи пытались описать состояния, порой совершенно непохожие друг на друга.

Сами названия мало что говорили о человеке. За сухими строчками отчётов скрывались живые люди, у которых оставались семьи, друзья и надежда когда- нибудь вернуться к нормальной жизни. Не каждый заражённый представлял угрозу, и далеко не каждому требовалась изоляция. Однако нападение на патрульных оставляло нам слишком мало пространства для оптимизма.

Я снова посмотрела на девочку с медведем. На фотографии мужчина придерживал её за плечо так бережно, будто не существовало ничего важнее того, чтобы она улыбалась. От этой простой детали мне стало не по себе. Если мы опоздаем, девочке придётся запомнить отца совсем другим.

— У него есть семья?

— Жена и дочь. С ними уже связались, — ответила Рейна. — Последние дни он домой не возвращался.

— Надеюсь, мы найдём его раньше, чем он кого-нибудь ещё покалечит.

Дариан бросил на меня короткий взгляд через зеркало.

— Постарайся только сама не пополнить список пострадавших.

— Какая трогательная забота.

— Просто не хочу заполнять за тебя отчёт.

Я улыбнулась, но фотографию мужчины закрывать не стала. Шутки помогали отвлечься. На снимке девочка по-прежнему обнимала медведя, и мне отчаянно хотелось, чтобы дома её встретил отец, а не очередной официальный документ.

✦ ✦ ✦

Здание находилось на окраине делового квартала. Когда-то здесь располагалась небольшая проектная компания, но теперь большая часть помещений пустовала. Окна верхних этажей были затянуты мутной плёнкой, а на парковке стояли два автомобиля без номерных знаков. На первый взгляд место выглядело заброшенным, однако свежие следы шин и едва заметный свет за одним из окон говорили об обратном.

Мы прибыли ближе к полудню. Дариан остался наблюдать за главным входом, Рейна обошла здание со стороны двора, а я расположилась у соседнего кафе, изображая девушку, которая слишком долго ждёт опаздывающего кавалера. Надо признать, роль подходила мне неплохо. Светлые волосы, тёмные очки, кожаная куртка и стаканчик кофе создавали вполне убедительный образ. Если не присматриваться к служебным ботинкам и оружию под курткой, можно было принять меня за кого угодно, только не за оперативницу.

— Движение на третьем этаже, — произнёс Дариан в наушнике.

Я подняла глаза к окнам. За стеклом мелькнула фигура, слишком быстро исчезнувшая из виду, чтобы я успела различить лицо.

— Вижу.

— Продолжаем наблюдение. Без самодеятельности.

— Ты говоришь так, будто я постоянно нарушаю приказы.

В наушнике послышался смешок Рейны.

— В прошлый раз ты выбила дверь, хотя мы должны были дождаться подкрепления.

— Она была открыта.

— Ты сорвала её с петель.

— Значит, плохо закрепили.

Дариан тяжело вздохнул, а я улыбнулась своему отражению в стекле кафе. Настроение было почти хорошим. По крайней мере, до того момента, пока на третьем этаже не появился мужчина. Он стоял возле окна, прижав ладони к стеклу. Даже с такого расстояния было заметно, что руки у него испачканы кровью. Его голова была немного наклонена, словно он пытался прислушаться к звуку, недоступному остальным.

— Контакт, — негромко сообщила я.

Мужчина медленно повернул голову и посмотрел прямо на меня. Это было странно. Стекло покрывала плотная тонирующая плёнка, а я находилась достаточно далеко от здания. Тем не менее его взгляд остановился именно там, где я стояла. Затем мужчина поднял руку и поманил меня паль-

цем. Я невольно крепче сжала стаканчик.

— Дариан, кажется, наш подозреваемый приглашает меня в гости.

— Отойди от здания.

Я уже собиралась последовать совету, когда мужчина резко ударился лбом о стекло. Первый удар оставил мутное пятно. Второй рассёк кожу над бровью, и кровь потекла по его лицу. После третьего на стекле появился тёмно-красный след, который медленно расползался вниз.

— Чёрт, — выдохнула я.

Он продолжал биться головой, всё сильнее, словно пытался пробить окно собственным черепом. Я невольно стиснула зубы, наблюдая, как он размазывает кровь по стеклу. Судя по движениям, боли мужчина не чувствовал вовсе. А затем произошло нечто ещё более неприятное. Я ощутила его кровь.

Не запах, хотя обоняние оборотня позволяло различать его даже на расстоянии. Не сердцебиение и не присутствие другого хищника. Ощущение возникло где-то глубоко внутри, будто невидимая нить на мгновение натянулась между мной и человеком за стеклом. В груди стало тесно, а под кожей пробежал короткий, болезненный холод. Я резко выпрямилась.

Подобное уже случалось со мной раньше. Обычно после тяжёлых задержаний, когда вокруг было много крови и слишком мало времени на размышления. Но сейчас я стояла

посреди улицы, далеко от подозреваемого, и не могла объяснить, почему вдруг почувствовала его так отчётливо. Мужчина внезапно застыл. Его глаза расширились, он отшатнулся от окна и исчез из виду.

— Рейна, он отошёл. Возможно, потерял сознание.

— Я у служебного входа. Жду разрешения.

В наушнике раздался голос Виктора Рейнара, нашего командира.

— Группа, подготовиться к входу. Приоритетом остаётся задержание живым. Без неоправданного риска.

— Принято, — ответили мы почти одновременно.

Я отставила недопитый кофе на ближайший подоконник. Ненавижу оставлять хороший кофе. Особенно когда не уверена, что вернёшься за ним.

✦ ✦ ✦

На третьем этаже пахло пылью, старой краской и чем-то едким, напоминавшим больничный антисептик. Однако под резким химическим запахом скрывался другой, хорошо знакомый мне аромат. Кровь. Её было немного, но достаточно, чтобы я без труда определила направление. Дариан бесшумно двигался впереди. Рейна прикрывала нас сзади, а я держалась у стены, прислушиваясь к звукам из ближайшего помещения.

Внутри кто-то смеялся. Смех был тихим, хриплым, совершенно лишённым веселья. Он неожиданно оборвался, сменившись невнятным бормотанием. Через несколько секунд

послышался глухой удар, словно что-то тяжёлое упало на пол. Мы остановились. Дариан показал два пальца, обозначая двух обнаруженных внутри людей, и осторожно проверил дверь. Она оказалась незапертой.

По короткому сигналу мы вошли. Комната была просторнее, чем я ожидала. Возле окна стоял перевёрнутый стол, по полу были разбросаны медицинские упаковки и осколки стекла. На стене темнели бурые пятна, а рядом с дверью валялся окровавленный бинт. В воздухе стоял тяжёлый запах антисептика, которым, похоже, пытались заглушить что-то гораздо более неприятное.

Посреди помещения сидел мужчина в белой рубашке, пропитанной кровью. Его голова безвольно свисала на грудь, а одна рука лежала на колене под неестественным углом. Второй стоял рядом. Худой, босой, с разбитыми костяшками пальцев. Наш подозреваемый. Он повернулся к нам с совершенно спокойным выражением лица.

— Наконец-то, — сказал он.

Я подняла пистолет.

— Служба безопасности. Руки вверх. Медленно.

Мужчина послушно поднял ладони. Одна из них была рассечена до мяса, несколько ногтей отсутствовали. Кожа вокруг повреждений выглядела воспалённой, но он будто не чувствовал боли.

— Вам нельзя здесь находиться, — произнёс мужчина.

— Почему?

Он посмотрел на сидящего возле окна.

— Доктор сказал, что дверь открывать нельзя.

— Какой доктор?

Мужчина нахмурился.

— Не помню.

— Где он?

— Не помню.

В его голосе впервые появилась растерянность. Он опустил взгляд на собственные руки, словно увидел их впервые, и несколько секунд молчал.

— Я вообще ничего не помню, — прошептал он.

Я медленно сделала шаг вперёд.

— Как тебя зовут?

Мужчина поднял голову. Его лицо исказилось, губы дрогнули, а затем он неожиданно улыбнулся.

— Помню только, что они обещали меня вылечить.

Нападение оказалось настолько внезапным, что я едва успела уйти от первого удара. Мужчина бросился вперёд с чудовищной скоростью, его пальцы скользнули по моему плечу, разорвав ткань куртки. Я попыталась провести подсечку, но он оттолкнулся от пола и с такой силой врезался в шкаф, что деревянная дверца разлетелась на куски.

Любой нормальный оборотень после подобного столкновения хотя бы поморщился. Этот даже не замедлился.

— Сесилия, справа! — крикнула Рейна.

Я развернулась, пропуская удар мимо лица, и врезала

мужчине локтем под рёбра. Он захрипел, но тут же схватил меня за запястье. Боль прострелила руку, а внутри что-то неприятно хрустнуло.

— Ну вот, — процедила я сквозь зубы. — Мама будет в восторге.

Мужчина дёрнул меня на себя. Я ударила его коленом в живот, воспользовалась мгновенной потерей равновесия и повалила на пол. Рейна оказалась рядом прежде, чем он успел подняться, помогая зафиксировать плечи. Дариан защёлкнул наручники, но задержанный продолжал биться, пытаясь вырваться. Его суставы выворачивались под неестественными углами. Под кожей на шее вздулись тёмные вены. Он явно не понимал, что причиняет себе новые повреждения, и сопротивлялся с такой силой, что я боялась услышать хруст сломанной кости.

— Перестань! — рявкнула Рейна. — Ты себе руки сломаешь!

Мужчина внезапно замер. Он повернул ко мне голову, и на несколько секунд его взгляд стал совершенно осмысленным. Исчезло странное выражение лица, ушла пугающая пустота в глазах. Передо мной лежал обычный человек, измученный, испуганный и до смерти уставший.

— Пожалуйста, не отдавайте меня обратно.

Я немного ослабила давление на его плечо, но не отпустила.

— Куда обратно?

Его нижняя губа задрожала.

— К врачу.

Мы с Рейной переглянулись.

— Назови клинику, — попросила я уже спокойнее.

— Не надо. Он сказал, что, если я расскажу, они снова меня заберут.

— Кто они?

Мужчина открыл рот, но вместо ответа раздался короткий, мучительный хрип. Его тело выгнулось дугой, а из носа хлынула кровь, заливая губы и подбородок. Рейна немедленно вызвала медиков. Я попыталась повернуть задержанного на бок и удержать его голову, чтобы он не разбил её о пол. Судороги становились сильнее. Мужчина закричал так громко, что у меня болезненно сжались челюсти.

На его шее проступили те самые параллельные шрамы, которые я заметила на фотографии. Теперь между ними виднелись мелкие кровоподтёки, будто кто- то с силой вдавливал пальцы в кожу. Я протянула руку, чтобы проверить, не мешает ли воротник его дыханию, и замерла. Снова возникло то странное ощущение. На этот раз гораздо сильнее.

Будто под кожей мужчины находилось нечто чужеродное. Невидимые узлы, затянутые слишком туго, и тонкие нити, уходившие куда-то за пределы моего понимания. Я не могла увидеть их глазами, но чувствовала с такой болезненной отчётливостью, что на мгновение перестала слышать голоса напарников. Сердце ударило в грудь.

Мне показалось, что я ощущаю чужую кровь почти так же ясно, как собственную. В ней скрывалась какая-то неправильность, не похожая ни на привычный запах болезни, ни на действие яда. На долю секунды захотелось сосредоточиться на этом ощущении и понять, откуда оно берётся. Я едва успела подумать об этом, когда перед глазами потемнело. Слабость накатила настолько резко, что пришлось опереться рукой о пол. Я поспешно отдёрнула пальцы от шеи задержанного, и странное чувство исчезло.

— Сеси! — Рейна схватила меня за плечо. — Ты в порядке?

Я несколько раз моргнула, дожидаясь, пока комната перестанет расплываться.

— Да. Просто голова закружилась.

Рейна внимательно посмотрела на меня, но ничего не сказала. Сейчас у нас были проблемы поважнее моего внезапного головокружения. Мужчина лежал неподвижно. Его грудная клетка медленно поднималась и опускалась. Судороги прекратились, однако сознание к нему так и не вернулось. Он был жив. Пока.

✦ ✦ ✦

Через сорок минут помещение заполнили криминалисты. Пострадавшего мужчину возле окна увезли первым. Он оказался жив, хотя врачи не скрывали беспокойства по поводу его состояния. Задержанного отправили следом под усиленной охраной. Медики сообщили, что его состояние тяжёлое,

и отказались делать какие-либо предположения до результатов обследования.

Я стояла возле окна, разглядывая разбитое стекло и бурые потёки на раме. Снаружи всё выглядело почти обыденно. По улице проезжали автомобили, в соседнем кафе люди спокойно пили кофе, а за крышами домов медленно собирались серые облака. Никто из прохожих даже не подозревал, что происходило в нескольких десятках метров от них.

Большинство людей вообще не знало, насколько странным может оказаться мир, если однажды заглянуть за привычную его сторону.

— Сеси, — позвал Дариан из соседнего кабинета. — Иди сюда.

Он стоял возле небольшого металлического стола. На поверхности лежали несколько медицинских упаковок, пустые ампулы и раскрытый пластиковый контейнер. Рядом находилась тонкая папка с документами.

— Нашёл возле холодильника. Криминалист уже осмотрел, разрешил сверить с материалами дела, — пояснил Дариан.

Я взяла папку, надев перчатки. Внутри оказалось несколько листов, на первый взгляд не представлявших особого интереса. Назначения, результаты анализов, выписка из частной клиники. Такие документы мы видели десятками, особенно в делах, связанных с подозрением на заражение. Но кое-что всё-таки привлекло моё внимание.

Последний анализ крови был сделан за день до выписки. Все показатели находились в пределах нормы, хотя неделей раньше несколько значений значительно превышали допустимые. Врач не объяснял резкого улучшения, ограничившись стандартной формулировкой об успешной терапии.

— Слишком быстро, — пробормотала я.

Дариан заглянул мне через плечо.

— Что именно?

— Нормализация показателей. Если это заражение, я бы хотела посмотреть на метод лечения, который даёт такой результат.

— Может, он просто не заражён.

— Может. Но тогда нам придётся объяснить, почему сегодня трое подготовленных оперативников едва справились с человеком, который вчера не мог нормально ходить.

Я перелистнула страницу. Выписка была оформлена безупречно. Печать, подпись врача, дата и регистрационный номер. Однако на последнем листе имелась странная особенность. Внизу, возле отметки об окончании лечения, оставили несколько пустых граф, будто документ заполняли поспешно. Я проверила номер пациента. Потом ещё раз.

— Дариан, у тебя есть исходная карта?

— На планшете.

Он открыл файл и передал мне устройство. Я сопоставила данные. Имя совпадало, возраст тоже, а вот регистрационный номер в электронной версии отличался на одну цифру.

— Ошибка при заполнении?

— Возможно. Только клиника не должна выдавать документы с разными номерами одному пациенту.

Я вернулась к папке и осторожно раздвинула листы. Между ними оказался небольшой фрагмент бумаги с неровным краем, словно кто-то торопливо вырвал страницу из другого журнала. На нём сохранились часть номера, дата и подпись. Текст был почти стёрт, но несколько слов удалось разобрать.

Объект переведён.

Ниже располагалась ещё одна строка, испачканная тёмным пятном.

Дальнейшее наблюдение.

Я нахмурилась.

— Он ведь утверждал, что его выписали?

— Судя по документам, да.

— Тогда почему здесь написано, что его перевели?

Дариан ничего не ответил. Я посмотрела на холодильник. Его дверца была приоткрыта, а внутри находились несколько пустых лотков, разорванные упаковки и один небольшой контейнер, опечатанный криминалистами. Судя по следам на полках, большую часть содержимого успели забрать. Кто-то явно торопился.

— Не нравится мне это место, — произнесла я.

— Удивительно. А я уже хотел предложить тебе купить здесь квартиру.

Я невольно усмехнулась и снова вернулась к докумен-

там. Чем дольше я их изучала, тем сильнее казалось, что мы упускаем нечто очевидное. Врачебные заключения выглядели слишком аккуратно, результаты анализов менялись слишком быстро, а сам пациент не помнил ничего о последних днях лечения. И всё же ни одно из этих обстоятельств пока не доказывало преступления.

В этот момент в кабинет вошла Рейна.

— Виктор требует предварительный отчёт. И ещё у нас новости из больницы.

Я подняла голову.

— Какие?

— Наш задержанный пришёл в сознание на несколько минут. Назвал своё имя, попросил связаться с женой, а потом снова потерял сознание.

— Врачи что-нибудь выяснили?

— Анализы только начали делать. Пока говорят о тяжёлой интоксикации и повреждении нескольких внутренних органов. Но есть одна странность.

Она передала мне телефон с открытым сообщением из больницы. На экране был снимок запястья задержанного. Сначала я не поняла, что именно должна увидеть. Потом приблизила изображение и заметила под кожей несколько тонких тёмных полос, похожих на крошечные разветвлённые сосуды. Я вспомнила то неприятное ощущение, которое испытала, когда прикоснулась к его шее.

— Что это?

— Врачи пока не знают. На обычные последствия заражения не похоже.

Я долго смотрела на снимок, пытаясь избавиться от странного чувства, что уже сталкивалась с чем-то подобным. Не в медицинских отчётах и не на службе. Скорее, в тех редких приступах, когда собственное тело внезапно переставало мне подчиняться. Но это было слишком смутное сходство, чтобы говорить о нём вслух.

— Пускай передадут результаты, как только будут готовы, — сказала я.

Рейна кивнула и вышла. Дариан забрал планшет, намереваясь связаться с Виктором. Я тем временем снова открыла папку и перевернула последний лист. Под ним оказался ещё один документ. Необычайно тонкий, почти прозрачный, он прилип к обложке и потому остался незамеченным. Я осторожно отделила бумагу от пластика. На листе стояли те же фамилия, имя и номер пациента, что и в основной медицинской карте.

Различалась только дата. И заключение.

Причина смерти: острая полиорганная недостаточность.

Я медленно положила лист рядом с выпиской. Мужчину признали мёртвым через три дня после того, как официально выписали из клиники. Восемь дней назад.

— Дариан.

— Что?

— Подойди.

Он заглянул мне через плечо и несколько секунд молчал.

— Ошибка? — наконец спросил он.

— Хотелось бы.

Я ещё раз проверила регистрационные номера. Один из них отличался на ту самую цифру, которую мы заметили раньше. Теперь это несоответствие выглядело совсем иначе. Если документы были поддельными, кто-то проделал немалую работу, чтобы всё выглядело достоверно. Я вспомнила мужчину у окна, его изуродованные руки и отчаянную просьбу не возвращать его к врачу.

А потом снова посмотрела на свидетельство о смерти. В правом нижнем углу стояла подпись лечащего врача. Она совпадала с подписью на выписке. Я провела взглядом по последней строке. Там находилась ещё одна отметка, которую я сначала приняла за служебный код.

Статус объекта: завершён.

Я почувствовала, как пальцы крепче сжали край папки.

— Что-то нашли? — спросила Рейна, возвращаясь в кабинет.

Я не сразу ответила. За окном по-прежнему шумел город. Где-то внизу хлопнула автомобильная дверь, послышался чей-то смех. Обычный день продолжался, словно ничего не произошло.

— Кажется, наш пациент умер восемь дней назад, — наконец произнесла я.

Рейна нахмурилась.

— Что?

Я протянула ей документ.

— По крайней мере, кто-то очень хотел, чтобы именно так все и думали.

Дариан снова посмотрел на свидетельство, затем на папку с медицинскими заключениями.

— И зачем кому-то понадобилось объявлять живого человека мёртвым?

Я не знала ответа. Но когда взгляд упал на последнюю отметку, у меня возникло ощущение, что мы задаём неправильный вопрос. Слово «завершён» относилось не к лечению. И, возможно, даже не к человеку.

Глава 2

Глава 2. Цена молчания

Кассиан

Первый покойник за сегодняшний вечер оказался живым. Более того, обладал вполне здоровым сердцебиением, дорогими часами и удивительной способностью отрицать очевидное. Я убрал за плечо прядь длинных чёрных волос и снова посмотрел на него. Некоторые вопросы стоило задавать спокойно. Особенно те, ответы на которые могли вернуть меня в места, куда я не намеревался возвращаться.

Оскар Вент сидел напротив уже почти сорок минут. За это время он успел трижды изменить показания, потребовать адвоката, затем добровольно попросить продолжить разговор без него и теперь явно сожалел обо всех принятых решениях. Перед ним лежало свидетельство о смерти, оформленное три недели назад в клинике Розенхайм. Документ выглядел безупречно. Печать, подписи, регистрационный номер, заключение врача. Даже разрешение на кремацию оформили без единой задержки. Учитывая обычную скорость работы государственных учреждений, такая исполнительность заслуживала отдельного расследования.

— Господин Вент, предлагаю закончить с этой нелепостью. У нас есть подтверждение вашего пребывания в Розенхайме, банковские переводы за лечение и свидетельство о

смерти. Последнее, как видите, вызывает определённые сомнения.

— Я уже объяснил, что произошла ошибка.

— Несомненно. Вопрос только в том, кто её допустил и зачем.

Вент поправил манжету рубашки. На внутренней стороне запястья виднелся тонкий красноватый рубец, слишком свежий для вампира, который якобы завершил лечение почти месяц назад. Медицинское заключение о характере повреждения ещё готовилось, поэтому строить предположения было преждевременно. Гораздо интереснее выглядело поведение самого свидетеля. При упоминании клиники он раздражался, но стоило разговору коснуться персонала, как начинал поглядывать на дверь.

— Вы можете проверить документы сами, — произнёс мужчина.

— Этим мы и занимаемся. Но тогда возникает вопрос, почему вы потребовали разговора лично со мной.

— Я не требовал.

— Правда? Значит, сотрудники неправильно поняли ваше заявление.

Передо мной лежала копия протокола его задержания. Вент отказался объяснять патрульным причины своего появления возле здания управления, однако сообщил о незаконных медицинских экспериментах и назвал моё имя. Теперь же упорно делал вид, что оказался здесь по досадному

недоразумению.

— Я хочу домой, — произнёс он.

— Понимаю. Три недели официально числиться покойником, должно быть, утомительно.

Оскар не улыбнулся. Его пальцы крепче сжали подлокотники кресла. В течение последних минут он несколько раз пытался незаметно размять левую руку, но всякий раз останавливался, едва прикоснувшись к запястью.

— Вам нужна медицинская помощь?

— Нет.

— Тогда продолжим.

Клиника Розенхайм располагалась в одном из старых районов Вальмонта и до недавнего времени пользовалась превосходной репутацией. Восстановительная терапия, лечение тяжёлых травм, исследовательские программы для состоятельных пациентов. На официальном сайте учреждения красовались фотографии просторных палат, довольных врачей и людей, которым якобы удалось вернуть утраченное здоровье. Среди постоянных клиентов значились представители влиятельных семей, государственные служащие и предприниматели. Вряд ли кто-то из них ожидал, что однажды клиника сообщит родственникам об их смерти, не дожидаясь соответствующего события.

— Давайте поговорим о вашем лечении, — предложил я. — Не о документах. О том, что происходило в Розенхайме.

— Я почти ничего не помню.

— Почти?

— Отдельные моменты.

— Уже лучше.

Оскар посмотрел на зеркало напротив стола. За стеклом находился сотрудник следственного отдела, ведущий запись беседы. Свидетель знал об этом, но продолжал вести себя так, словно опасался кого-то ещё.

— Если я расскажу, вы сможете защитить мою семью?

— От кого?

— От людей из клиники.

Я закрыл папку.

— Значит, вы всё-таки там были.

Он не ответил. Несколько секунд мужчина рассматривал собственные руки, затем медленно кивнул.

— Вы не понимаете, что они делают.

— Пока нет. Поэтому мы и разговариваем.

— Они забирают людей.

— Каких людей?

— Пациентов. Иногда тех, кто вообще не соглашался на лечение.

Страх в его голосе никуда не исчез, но теперь к нему примешивалась злость. Это уже больше походило на разговор с человеком, пережившим насилие, чем на попытку оправдаться за поддельные документы.

— Ваш адвокат ожидает за дверью, господин Вент. Я предлагаю пригласить его обратно и оформить показания

надлежащим образом. После этого займёмся безопасностью вашей семьи.

— Вы мне верите?

— Пока документам я доверяю значительно больше, чем вам. Но ситуация поправимая.

Вент впервые за весь разговор встретился со мной взглядом.

— Они убьют мою жену, если узнают, что я заговорил.

На этом попытки разрядить обстановку следовало закончить.

Я вызвал сотрудника, поручил немедленно проверить местонахождение супруги Вента и организовать необходимые меры защиты. Только после подтверждения, что запрос принят, пригласил адвоката обратно. Мужчина наблюдал за происходящим молча, словно не вполне верил, что кто-то действительно собирается выполнять обещанное.

✦ ✦ ✦

Оскар Вент обратился в Розенхайм после тяжёлой травмы позвоночника. Клиника предложила экспериментальную программу восстановления, обещавшую ускоренную регенерацию и устранение последствий повреждений. Лечение стоило немало, но мужчина мог себе его позволить. Первые процедуры проходили без осложнений, врачи регулярно сообщали об улучшениях, а результаты обследований выглядели обнадёживающе. Затем его перевели в закрытое отделение, куда не допускали посетителей, ограничили связь с семьёй

и начали вводить препараты, названия которых ему не сообщали.

— После некоторых инъекций я почти ничего не помнил, — рассказывал Вент. — Просыпался через несколько часов, иногда только на следующий день. Однажды обнаружил, что у меня сломаны два пальца. Врач сказал, что это последствия судорог.

— Подобные повреждения происходили часто?

— Несколько раз. Иногда на теле появлялись синяки, порезы. Я спрашивал, откуда они, но мне отвечали, что во время процедур я теряю контроль над движениями.

— Вы пытались отказаться от лечения?

— Да. Мне сказали, что прерывать программу опасно. Потом перестали спрашивать моего согласия.

Вент говорил медленно, подбирая слова. Некоторые эпизоды приходилось восстанавливать по нескольким уточняющим вопросам. В его рассказе оставались большие пробелы, но это не делало показания бесполезными. Существовали медицинские способы проверить большую часть описанного. А если хотя бы половина сведений подтвердится, у руководства Розенхайма возникнут проблемы значительно серьёзнее административных нарушений.

— Кто руководил отделением?

— Не знаю. Врачи менялись. Иногда приходили другие люди, без формы. При них персонал вёл себя иначе.

— Что они делали?

— Смотрели результаты обследований, обсуждали препараты. Один раз говорили, что следующая партия должна быть устойчивее.

— Партия чего?

— Я не понял.

Он опустил глаза. На запястье под манжетой снова проступила красная полоса. Врачи управления уже осмотрели мужчину, но подробные анализы ещё не были готовы.

— В вашем отделении содержались другие пациенты?

— Да. Вампиры, оборотни. Иногда привозили обычных людей.

— Уверены?

— Одну женщину я видел. Она была в гражданской одежде, руки связаны. Кричала, что её похитили и она ничего не подписывала.

— Сможете описать её?

Вент назвал приблизительный возраст, цвет волос и несколько деталей одежды. Следователь занёс сведения в протокол, чтобы позднее сопоставить их с заявлениями о пропавших людях. Подобных обращений поступало немало, но большинство не имело отношения к клинике.

— Что известно об оборотнях? — спросил я.

— Один находился в соседнем помещении. Я не видел его лица. Слышал только голос.

— Он разговаривал с персоналом?

— Постоянно требовал отпустить его домой. Говорил, что

у него маленькая дочь. Однажды ночью долго кричал, потом пришли охранники и куда-то его увели. Больше я его не слышал.

Мужчина потёр лицо ладонями. Рассказ заметно его измотывал, поэтому пришлось сделать короткий перерыв. Когда беседу продолжили, я вернулся к обстоятельствам побега.

— Вы утверждаете, что покинули закрытое отделение во время тревоги. Что произошло?

— Не знаю. Сначала услышал сигнал, потом щёлкнул замок. Дверь открылась. В коридоре никого не было, и я побежал.

— Охрана?

— Не видел.

— Другие пациенты?

— Тоже нет. Я даже не проверял соседние палаты. Просто хотел выбраться.

Несколько минут Вент молчал, глядя в стол. На этот раз он не пытался оправдываться. В его голосе впервые появилось что-то похожее на стыд.

— Я слышал, как кто-то звал на помощь, — добавил он. — Но не остановился.

— Сможете указать помещение?

— Если увижу план отделения.

Я кивнул следователю. План следовало получить официальным путём вместе с медицинскими журналами и сведе-

ниями о системе безопасности.

История побега выглядела странно. Пациент сумел покинуть закрытое отделение, персонал которого прежде не позволял ему даже связаться с семьёй. Никто не попытался его остановить, а в документах мужчина продолжал числиться умершим. Либо в учреждении произошёл серьёзный сбой, либо кто-то намеренно оставил ему путь к свободе.

— Что было дальше?

— Несколько дней скрывался у знакомого. Потом вернулся домой. Жена открыла дверь и чуть не потеряла сознание. Оказалось, меня уже похоронили.

— Почему вы сразу не сообщили об этом властям?

— Испугался. А вчера мне позвонили.

Я отложил ручку.

— Кто?

— Не знаю. Номер скрыт. Мужчина сказал, что если я хочу остаться жив, нужно обратиться лично к вам.

— Что именно он сообщил обо мне?

— Что вы уже расследуете подобные случаи. Что если я расскажу всё вам, меня не смогут вернуть в клинику.

— Вы узнали его голос?

— Нет. Но он говорил так, словно точно знал, что происходит в Розенхайме.

— Он назвал своё имя?

Оскар покачал головой.

— Только сказал, что у меня осталось мало времени.

Неизвестный информатор, знающий о нашем расследовании, оказался куда интереснее самого звонка. Он мог работать в Розенхайме, иметь доступ к внутренним документам или быть связанным с людьми, которых мы ещё не установили. Но пока ни одна версия не объясняла, почему свидетель оказался на свободе и почему его направили именно ко мне.

— Сохранилась запись разговора?

— Нет.

— Тогда передайте телефон сотрудникам для проверки. И уточните, когда вашей семье начали угрожать.

Вент достал устройство. На экране находилась фотография его дома, сделанная с улицы. Под изображением было короткое предупреждение, не оставлявшее сомнений в намерениях отправителя.

— Это пришло вчера утром, — произнёс он.

Сведения об угрозах внесли в протокол отдельно. После завершения допроса Вента передали сотрудникам защищённого отделения, а его адвокату разъяснили дальнейший порядок участия в расследовании.

Когда дверь закрылась, на столе осталась папка с одиннадцатью свидетельствами о смерти.

Одиннадцать человек, которых официально больше не существовало.

Сколько из них действительно умерли, ещё предстояло выяснить.

✦ ✦ ✦

К вечеру аналитики разложили на столе материалы по Розенхайму. Передо мной лежали накладные «Эйдос Медикал» и сведения о финансировании через фонд Аурелиан. По отдельности документы выглядели безупречно, но вместе складывались в картину, которую мне совсем не нравилось видеть.

По словам аналитиков, объём закупок превышал заявленные потребности восстановительной терапии. Некоторые поставки не прекратились даже тогда, когда отдельные отделения приостановили работу. Само по себе это ещё не доказывало преступления, но заставляло проверить, где в действительности оказалось оборудование.

— Финансовые отчёты не совпадают с инвентаризационными ведомостями, — сообщил сотрудник аналитического подразделения. — Часть оборудования указана как полученная, но сведения о его фактическом размещении отсутствуют.

— Где находятся оригиналы документов?

— У администрации клиники. Копии переданы нам в рамках первоначальной проверки.

— Подготовьте запрос на оригиналы и все дополнительные акты передачи. Если документация велась добросовестно, установить маршрут каждой установки не составит труда.

— А если нет?

— Тогда нам хотя бы не придётся долго искать причину расхождений.

Несколько сотрудников переглянулись. Я открыл следующую папку. В ней находились сведения о пациентах, официально переведённых в другие учреждения после приостановления деятельности Розенхайма. Большинство переводов подтверждалось медицинскими документами. Но в нескольких случаях данные не совпадали: пациенты покинули одно учреждение и так и не появились в следующем.

— Проверьте все подобные случаи, — распорядился я. — Начните с установления местонахождения людей. Меня интересуют реальные пациенты, а не удобные формулировки в отчётах.

— Потребуются дополнительные запросы.

— Подготовьте.

Совещание продолжалось ещё почти час. Отдельное внимание уделили состоянию Оскара Вента. Врачи обнаружили признаки нарушения регенерации, следы многократных инъекций и изменения сосудистой ткани. Исследования ещё не позволяли уверенно определить причину, но некоторые симптомы напоминали последствия воздействия экспериментальных препаратов, изучавшихся в других делах.

Один из аналитиков передал фотографию контейнера, фигурировавшего в закупочной документации Розенхайма. Металлический корпус, крепления, повреждённая маркировка на боковой поверхности. Ничего необычного, если не считать количества подобных ёмкостей, которое клиника приобрела за последние месяцы.

Я увеличил изображение. Сочетание символов на повреждённой наклейке показалось знакомым. На несколько секунд возникло неприятное воспоминание о белой комнате, металлическом столе и чужом голосе, перечислявшем номера. Воспоминание оборвалось прежде, чем удалось различить хоть что-то полезное. Я на мгновение стиснул пальцы на краю снимка. Неприятное чувство прошло не сразу, но никто за столом не должен был этого заметить.

— Господин комиссар?

Я поднял глаза.

— Продолжайте.

— Производитель контейнеров подтвердил поставку оборудования компании «Эйдос Медикал». Однако дополнительную маркировку наносили уже после продажи. Мы выясняем, кто отвечал за учёт.

— Проверьте это отдельно. И не ограничивайтесь Розенхаймом. Если компания использовала подобную систему маркировки в других учреждениях, нам понадобятся соответствующие сведения.

Когда совещание закончилось, следователи забрали материалы об исчезнувших пациентах, аналитики — реестры закупок и платежей. Отдельная группа продолжила проверять угрозы семье Вента и анонимный звонок.

Я закрыл последнюю папку. Все получили свои поручения, но ответа на главный вопрос по-прежнему не было: кто и зачем превращал пациентов в записи о смерти?

✦ ✦ ✦

Рафаэль Морвейн появился в кабинете без приглашения, но с двумя папками, которые сразу привлекли моё внимание. Похоже, сегодня он всё-таки решил оправдать существование своей адвокатской практики. На нём был тёмный костюм, безупречно подобранный галстук и выражение человека, чьё присутствие следовало считать подарком само по себе.

— Надеюсь, ты хотя бы иногда платишь своим сотрудникам за переработки, — заметил он, проходя к столу. — В коридоре половина управления выглядит так, будто готовится к собственным похоронам.

— Если пришёл жаловаться на условия труда, обратись в приёмную. Тебе назначат время.

— Очаровательно. А ведь я принёс кое-что интересное.

Рафаэль устроился напротив и положил передо мной первую папку. Внутри находились копии договоров «Эйдос Медикал», выписки из реестров и подготовленные им замечания к условиям поставок. Некоторые страницы были отмечены аккуратными закладками. При всей любви к развлечениям он умел работать серьёзно, когда дело действительно заслуживало внимания.

— Твои подозрения насчёт поставок обоснованны, — произнёс он. — В договорах предусмотрена возможность передачи оборудования третьим лицам после первоначальной доставки. Формально ничего незаконного. Но дальше начи-

нается интересное.

— Продолжай.

— В нескольких соглашениях отсутствует обязанность указывать конечное место хранения в основном договоре. Все изменения оформляются дополнительными актами. Если кто-то захочет выяснить, куда отправился конкретный груз, первоначальная накладная ему мало поможет.

Я просмотрел документы. Рафаэль выделил одинаковые пункты в трёх разных договорах, заключённых с медицинскими учреждениями. Формулировки почти полностью совпадали.

— Кто составлял эти соглашения?

— Этого пока не установил. Но автор либо прекрасно разбирается в корпоративном праве, либо слишком хорошо понимает, как затруднить последующую проверку.

— Полагаю, ты оценил мастерство.

— С профессиональной точки зрения? Безусловно. С человеческой предпочёл бы держаться от автора подальше.

Я отложил первую папку и открыл вторую. Рафаэль не стал дожидаться вопроса.

— Здесь сведения о финансировании. Часть оборудования Розенхайма приобреталась на средства фонда Аурелиан. Само по себе это нормально, фонд действительно поддерживает медицинские исследования. Но отчёты о расходовании грантов не объясняют объёмы закупок.

— Значит, нужны оригиналы отчётов и подтверждение

фактического использования оборудования.

— Именно. И прежде чем ты решишь вызвать весь попечительский совет на допрос, напомню, что фонд пока не является подозреваемым.

— Какое счастье, что рядом есть человек, готовый объяснить мне основы собственной работы.

Рафаэль усмехнулся.

— Кто-то должен удерживать тебя в рамках приличий.

— С этим ты опоздал лет на сто.

Он рассмеялся, но вскоре снова вернулся к документам. На одной из страниц находилась сводная таблица поставок, часть которых проходила через компании-посредники. У нескольких грузов отсутствовало подтверждение конечного места хранения. Ещё в двух случаях даты передачи оборудования не совпадали со сроками действия договоров.

— Эти расхождения требуют проверки, — сказал Рафаэль. — Но если выяснится, что документы составляли задним числом, появятся основания говорить не только о нарушении порядка поставок.

— О подделке финансовой отчётности?

— Как минимум. А дальше всё будет зависеть от того, куда действительно отправили оборудование.

Он откинулся в кресле и некоторое время рассматривал меня поверх документов.

— Ты подозреваешь, что Розенхайм не единственная клиника?

— Пока у нас нет доказательств существования общей сети. Но несколько исчезновений, одинаковые условия поставок и оборудование, которое невозможно найти, заслуживают внимания.

— Разумно. Неужели ты наконец научился терпению?

— Приходится. Ты ведь постоянно напоминаешь, сколько стоят ошибки следствия.

— И правильно делаю. Ты бы удивился, сколько преступников получают свободу благодаря чужой самоуверенности.

Рафаэль произнёс это без привычной улыбки. Несмотря на любовь к удовольствиям, он прекрасно понимал цену небрежной работы. За годы адвокатской практики ему доводилось сталкиваться с имущественными махинациями, незаконным присвоением наследства и семейными конфликтами, в которых люди готовы были совершить преступление ради нескольких строк в завещании. Денежные интересы аристократии редко отличались благородством, каким бы древним ни был родовой герб.

— Ты знаком с руководством фонда? — спросил я.

— С некоторыми представителями. Мы пересекались на официальных мероприятиях, обсуждали отдельные профессиональные вопросы. Ничего, что давало бы мне право на доступ к их внутренним документам.

— Но достаточно, чтобы понимать, как устроена организация?

— В общих чертах. Попечительский совет, грантовые

программы, финансовый контроль. Если захочешь проверить конкретные расходы, придётся обращаться официально.

— Этим уже занимаются.

— Прекрасно. Значит, я могу продолжать наслаждаться собственной независимостью.

Я закрыл папку.

— Пока можешь.

Рафаэль усмехнулся, затем потянулся за бокалом, стоявшим возле края стола. На несколько минут разговор перешёл к делам дома Вальтерисов. Марселла, по словам друга, была возмущена моим очередным отсутствием на семейном ужине и даже подумывала лично доставить меня к родственникам.

— Не сомневаюсь, она способна на такое, — заметил я.

— А ещё она сказала, что Альбрехт намерен обсуждать участие вашего дома в новых исследованиях фонда Аурелиан.

Я поднял глаза.

— Вот как?

— Завтра состоится встреча представителей нескольких домов. Альбрехт, насколько мне известно, уже согласился присутствовать.

— Прекрасная возможность познакомиться с программой подробнее.

Рафаэль внимательно посмотрел на меня.

— Неужели собираешься?

— Почему нет?

— Потому что обычно ты предпочитаешь подобным мероприятиям допросы, служебные отчёты и всё, что позволяет избежать разговоров с родственниками.

— Значит, завтра неприятный сюрприз ожидает сразу несколько человек.

Рафаэль рассмеялся.

— Начинаю понимать, почему Марселла просила меня поговорить с тобой.

— Она привлекла тебя к воспитательной работе?

— Пыталась. Я благоразумно отказался.

Мы вернулись к документам, чтобы уточнить перечень материалов, которые ещё предстояло получить. Рафаэль согласился подготовить письменное правовое заключение по представленным договорам. При этом мы отдельно оговорили, что сведения должны быть получены законным путём, без нарушения конфиденциальности его клиентов.

Когда работа подошла к концу, он неожиданно произнёс:

— Кстати, Вивьен спрашивала, появишься ли ты завтра.

— Уверен, она переживёт ещё один вечер без моего общества.

— Не сомневаюсь. Но, возможно, тебе стоит хотя бы иногда отвечать на её сообщения.

— Рафаэль, неужели ты решил заняться моими отношениями?

— Боже упаси. Мне хватает собственных ошибок.

Улыбка не исчезла с его лица, однако взгляд на мгновение задержался на бокале. Я не придал этому значения. Вивьен умела втягивать окружающих в свои планы, и Рафаэль наверняка успел выслушать от неё очередную историю о моём неудовлетворительном отношении к помолвке.

Политические обязательства редко отличались романтичностью. Особенно когда обе стороны понимали, ради чего заключён союз.

✦ ✦ ✦

Разговор прервал звонок из управления. Дежурный сообщил, что в защищённом отделении задержали мужчину с поддельным пропуском медицинского персонала. При проверке документов тот попытался прорваться к одному из пациентов и ранил сотрудника охраны.

Я уточнил состояние пострадавшего и обстоятельства задержания. Рана предплечья оказалась болезненной, но угрозы жизни не представляла. Нарушителя обезвредили, изъяли личные вещи и поместили в отдельную комнату досмотра. Он отказывался назвать имя и настойчиво требовал встречи со мной.

Рафаэль наблюдал, как я слушаю доклад.

— Похоже, вечер становится интереснее.

— Для тебя, возможно.

— Не могу же я оставить тебя одного с очередным любителем неприятностей.

— Уверен, справлюсь.

— Конечно. Но кто тогда проследит, чтобы ты вёл себя прилично?

Я убрал телефон.

— Полагаю, мы оба знаем, насколько бесполезна эта затея.

Рафаэль поднялся одновременно со мной. Отговаривать его не имело смысла. Впрочем, доступ к закрытым материалам задержанного он не получал, а потому договорились, что при разговоре останется за стеклянной перегородкой и не станет вмешиваться.

К моменту нашего прибытия нарушителя уже осмотрели поверхностно и проверили документы. Пропуск принадлежал врачу, который давно не работал в учреждении. Сам задержанный оказался вампиром, на вид около тридцати лет. Тёмная одежда, короткие волосы, напряжённое лицо. Он сидел за металлическим столом, положив руки перед собой, и внимательно следил за дверью.

Я остановился напротив.

— Добрый вечер. Надеюсь, вам объяснили причину задержания?

Мужчина поднял голову.

— Кассиан де Вальтерис.

— Приятно, когда представляться не приходится.

Он попытался улыбнуться. Получилось плохо.

— Вы знаете, кто я?

— Пока нет. Но уверен, мы это исправим.

— Мне сказали, что вы не оставляете свидетелей.

Я занял кресло напротив. В подобных обстоятельствах начинать разговор с обсуждения чужой репутации было не самой удачной тактикой, однако задержанный явно предпочитал именно её.

— Кто сказал?

— Люди, которые знают вас.

— Надо же. А я считал, что они предпочитают говорить обо мне что-нибудь приятнее.

Мужчина не отреагировал. Его пальцы слегка дрожали, а на висках выступила испарина. Он выглядел больным. Причиной мог оказаться страх, воздействие препаратов или состояние, которое ещё предстояло установить медикам.

— Вы пытались проникнуть в охраняемое отделение по поддельному пропуску, — продолжил я. — Когда вас остановили, напали на сотрудника. Зачем вам понадобилось туда попасть?

— Я ничего не хотел делать.

— Тогда вы выбрали весьма странный способ провести вечер.

Он зажмурился. Дыхание стало частым, руки сжались в кулаки.

— Они обещали, что всё закончится.

Я внимательно посмотрел на его лицо.

— Кто обещал?

— Мне нужно было только попасть внутрь.

— К кому?

Мужчина резко схватился за край стола. На несколько секунд его тело свело судорогой, затем он вскочил так быстро, что кресло опрокинулось на пол. Охранник шагнул вперёд, пытаясь удержать задержанного, но тот уже вцепился ему в руку. Раздался короткий вскрик, когда ногти вампира рассекли кожу до крови.

Первые капли упали на металлический стол.

Этого оказалось достаточно.

Кровь отозвалась мгновенно. Несколько багровых нитей поднялись в воздух и обвились вокруг запястий нападавшего. Я развёл пальцы, заставив его руки разойтись в стороны, и удержал мужчину на месте. Он попытался вырваться, но лишь сильнее натянул нити. В стеклянной перегородке отразилось моё лицо. Глаза, обычно холодного голубого цвета, на мгновение вспыхнули рубиновым.

— Хватит.

Мужчина замер. Его дыхание стало тяжёлым, лицо побледнело.

— Вы... вы должны были...

— Закончите мысль.

Он посмотрел на кровь, удерживавшую его руки, затем снова на меня.

— Убить меня.

Я нахмурился.

— Кто внушил вам эту замечательную идею?

Ответа не последовало. Задержанный продолжал дрожать, словно едва держался в сознании. В комнату уже вошли дополнительные сотрудники охраны. По моему приказу они зафиксировали мужчине руки обычными средствами, после чего я отпустил кровь. Нити распались и тяжело упали на стол.

— Врача сюда. Немедленно, — распорядился я. — Проверьте его на воздействие препаратов и признаки заражения. Пострадавшему окажите помощь, повреждения зафиксируйте в протоколе.

Задержанный медленно опустился на стул. Его больше не интересовали ни дверь, ни окружающие люди. Он смотрел на собственные руки с таким ужасом, словно впервые увидел, на что они способны.

— Я не хотел, — прошептал он.

— Тогда расскажете об этом следователю после медицинского осмотра.

У двери я остановился и ещё раз посмотрел на мужчину. Попытка нападения выглядела бессмысленной. Он не пытался сбежать после задержания. Не требовал освобождения. Вместо этого заговорил обо мне, спровоцировал конфликт и явно ожидал, что разговор закончится его смертью.

Кто-то слишком хорошо знал, на какую реакцию рассчитывать.

И всё же не это беспокоило сильнее всего.

На внутренней стороне запястья задержанного виднелась

тонкая красноватая полоса. Почти такая же, как у Оскара Вента.

Я вернулся к столу и попросил охранника не закрывать рукав мужчины до прибытия врача. Подобные повреждения могли иметь множество причин, поэтому торопиться с выводами не следовало.

Но если сходство окажется не случайным, у нас появится ещё один человек, которого необходимо спросить о клинике Розенхайм.

Задержанный вдруг поднял голову. Его взгляд остановился на моей руке, всё ещё испачканной чужой кровью.

— Они сказали, вы поймёте, — прошептал он.

Я приблизился.

— Что именно?

Мужчина попытался ответить, но слова сменились хриплым выдохом. Тело снова свело судорогой, и он обмяк на стуле. Медики немедленно приступили к осмотру, а сотрудники охраны освободили пространство вокруг.

Я отошёл, освобождая место медикам. Мужчину уложили на пол, один из врачей проверял его состояние, второй уже готовил препараты. За стеклянной перегородкой стоял Рафаэль. От привычного веселья на его лице не осталось и следа, что само по себе говорило о серьёзности происходящего.

На металлическом столе темнели капли крови. Одна медленно стекала к краю, оставляя за собой неровную багровую полосу. В памяти снова прозвучали слова задержанного.

Они сказали, вы поймёте.

Как предусмотрительно. Кто-то потрудился доставить сообщение прямо в моё управление, использовав вместо письма живого человека. Правда, состояние посыльного оставляло желать лучшего, а содержание послания не отличалось ясностью.

Я посмотрел на врачей. Мужчина всё ещё не приходил в сознание.

Сходство повреждений с рубцами Оскара Вента могло оказаться совпадением. Но сегодня мне уже хватило одного покойника, который оказался живым, и второго, который, похоже, очень старался исправить эту оплошность.

Кто бы ни стоял за происходящим, он явно рассчитывал произвести впечатление.

Что ж, поздравляю. Ему удалось.

Глава 3

Глава 3. Следы под кожей

Сесилия

Сообщение от Виктора пришло в половине седьмого утра. После вчерашней операции я рассчитывала выспаться, но у командира были другие планы. К восьми вся группа должна была явиться в штаб УБС. Пришли результаты обследования задержанного.

Я посмотрела на часы и вздохнула. Четыре часа сна. Даже для оборотня маловато. За окном город только просыпался. После ночного дождя улицы ещё блестели от влаги, а первые машины уже спешили по своим делам. К счастью, до управления было недалеко.

Штаб УБС находился в административном районе города. Здесь оборотни, вампиры и люди давно жили бок о бок, хотя у каждого сообщества оставались собственные законы и службы безопасности. Я работала в полевом подразделении. Мы занимались поиском заражённых, разведкой и задержаниями. Работа интересная, если не считать постоянных травм, бессонных ночей и бесконечных отчётов.

Впрочем, на скуку я никогда не жаловалась.

На входе я предъявила пропуск, прошла проверку и поднялась на этаж нашего подразделения. В коридоре уже слышались голоса сотрудников утренней смены. Кто-то обсуж-

дал ночной выезд, кто-то ругался по телефону с аналитиками, а возле кабинета дежурного двое оперативников спорили о содержании очередного отчёта.

Я прошла мимо, стараясь не слушать. Собственных отчётов мне вполне хватало.

Рейну обнаружила в нашем кабинете. Она стояла возле окна с телефоном в руке, заканчивая разговор, и машинально поправляла выбившуюся из причёски тёмно-каштановую прядь. Дариан сидел за рабочим компьютером и просматривал записи вчерашней операции. Короткие пепельно-русые волосы у него снова торчали в разные стороны, а взгляд оставался таким сосредоточенным, словно весь окружающий мир сейчас существовал лишь на мониторе.

— Надеюсь, причина срочного вызова хотя бы интересная, — произнесла я, закрывая дверь.

Рейна закончила разговор и посмотрела на меня.

— Медики прислали предварительные результаты. Виктор хочет обсудить их до начала смены.

— Уже звучит многообещающе.

— Особенно если учитывать, что ночью наш пациент снова потерял сознание.

Я перестала улыбаться.

— Насколько серьёзно?

— Пока не знаю. Виктор обещал рассказать всё на совещании.

Дариан откинулся на спинку кресла.

— Зато я успел выяснить кое-что о документах, которые мы вчера нашли.

— Хорошее или плохое?

— Смотря насколько тебе нравятся медицинские учреждения, в которых пациенты умирают исключительно на бумаге.

Я подошла ближе.

— Не томи.

— Лучше дождёмся Виктора. Он хочет, чтобы все услышали это одновременно.

Я закатила глаза.

— Великолепно. Теперь у нас ещё и интрига внутри собственного управления.

Рейна усмехнулась, но прежде чем кто-то успел ответить, дверь открылась.

Виктор Рейнар вошёл с папкой документов и сразу направился к столу. Высокий, широкоплечий, он, как всегда, выглядел собранным. Только усталость в стальных серых глазах выдавала бессонную ночь. После вчерашней операции командир лично контролировал передачу задержанного медикам, а затем разбирался с отчётами. Похоже, поспать ему тоже не удалось.

— Все собрались. Хорошо.

Он положил папку на стол и включил настенный монитор.

— Начнём с состояния задержанного. Ночью он дважды приходил в сознание, но полноценный разговор провести не

удалось. После коротких периодов ясности начинались судороги, затем он снова терял сознание. Сейчас состояние стабилизировали.

— Он что-нибудь сказал? — спросила Рейна.

— Ничего нового. Продолжал повторять, что не хочет возвращаться к врачу.

Я вспомнила его лицо. Изуродованные руки, кровь на стекле и почти животный ужас, с которым он произносил эти слова.

— А заражение подтвердилось?

— Пока нет. Некоторые показатели соответствуют известным осложнениям у Надломленных, другие не вписываются в обычную картину.

Виктор вывел на экран медицинский снимок.

На нём было изображено предплечье задержанного. Под кожей проступали знакомые тёмные полосы. При увеличении становилось заметно, что некоторые участки уходили глубже, чем обычные сосудистые повреждения.

— Врачи предполагают изменения сосудистой и соединительной ткани. Но объяснить их происхождение пока не могут.

— А препараты? — спросил Дариан.

— В крови обнаружены следы нескольких веществ. Два удалось идентифицировать, остальные пока нет. Медики проводят дополнительные исследования.

Я внимательно посмотрела на снимок.

— Эти изменения могли появиться из-за лекарств?

— Возможно. Но утверждать это сейчас никто не готов.

Рейна скрестила руки на груди.

— То есть мы даже не знаем, с чем столкнулись вчера.

— Вот поэтому с такими пациентами нужно быть осторожнее, — ответил Виктор. — И избегать контакта с их кровью.

Я промолчала.

Вчера, когда я прикоснулась к шее задержанного, на мгновение возникло ощущение, будто собственное тело отозвалось на что-то чужое. Это не было обычным запахом крови или реакцией на угрозу. Скорее, чем-то неправильным, почти физически неприятным.

Я могла бы рассказать об этом Виктору, но пока сама не понимала, что именно почувствовала. А предположений у нас и без того хватало.

Командир открыл следующий документ.

— Теперь о медицинской карте.

На экране появилась знакомая выписка. Рядом находилась копия свидетельства о смерти, которое я обнаружила вчера.

— Документы проверили. Регистрационные номера существуют, подписи соответствуют данным лечащего врача. Но после официальной выписки пациента появилась дополнительная запись о медицинском наблюдении.

— Где именно? — спросила я.

— Не указано.

— Удобно.

— Более того, запись внесли через учётную запись врача, подписавшего выписку. Сам он утверждает, что ничего подобного не оформлял.

Дариан повернулся к нам.

— А теперь моя часть.

Он вывел на экран несколько строк из медицинского реестра.

— Я проверил номер из выписки. Сначала думал, что там обычная ошибка. Но в системе медицинских переводов этот номер принадлежит другому человеку. Другая дата рождения, другой регион, совершенно другая история лечения.

— Могли перепутать документы? — спросила Рейна.

— Могли. Только я нашёл ещё три похожих случая.

Я посмотрела на таблицу. Пациенты были разного возраста, поступали в разные учреждения и проходили лечение в разное время. На первый взгляд их ничего не связывало.

— И что у них общего?

— Несколько одинаковых обозначений в документах. Похоже на внутренний код медицинской организации или службы перевозки.

— Проверял транспорт?

— Работаю над этим. Но один адрес уже удалось установить.

Виктор сменил изображение.

На экране появилась фотография современного медицинского комплекса. Трёхэтажное здание, закрытая парковка и несколько технических корпусов за высоким ограждением.

— Медицинский центр «Розенхайм», — произнёс он. — По регистрационным данным, филиал частной клиники восстановительной терапии, головное учреждение которой находится в Вальмонте. Здесь занимаются тяжёлыми травмами, осложнениями после сверхъестественных заболеваний и длительной реабилитацией. Юридическую связь между отделениями мы ещё проверяем.

Я приблизилась к экрану.

— Действующее учреждение?

— Да. Лицензия в порядке, последние проверки нарушений не выявили.

— А пациенты?

— По официальным данным, ничего необычного. Но один из кодов, которые обнаружил Дариан, встречается в документах «Розенхайма». Нам нужно понять, что он обозначает и почему появляется в историях людей, чьи дальнейшие перемещения невозможно подтвердить.

Рейна внимательно изучила территорию.

— Охрана серьёзная.

— Частная организация. Документы уже запросили, — ответил Виктор.

— Для восстановительного центра многовато технических корпусов, — заметила я.

— В них могут находиться лаборатории, оборудование и служебные помещения, — возразила Рейна. — Пока не стоит видеть преступление в каждом здании без окон.

— Я всего лишь сказала, что их много.

— А я всего лишь знаю это выражение лица.

Дариан негромко усмехнулся.

Виктор дождался, пока мы закончим.

— Сегодня вы проверите объект. Внешнее наблюдение, транспорт, персонал, охрана. Если обнаружите что-то подозрительное, фиксируете и докладываете. Никакого проникновения без дополнительных оснований.

Рейна кивнула.

— Подготовим позиции и маршруты отхода. Кто будет на связи со штабом?

— Я, — ответил Виктор. — Все изменения обстановки передавать непосредственно мне.

Я ещё раз посмотрела на фотографию центра.

— Когда выдвигаемся?

— После подготовки. И постарайтесь не превращать обычную разведку в очередное задержание.

— Мы вообще-то вчера никого не собирались задерживать таким способом.

— Знаю, Сесилия. Поэтому и говорю заранее.

Я сдержала улыбку.

Виктор был человеком, которому хватало одного неудачного опыта, чтобы сделать выводы. Жаль, что иногда эти вы-

воды касались исключительно нас.

✦ ✦ ✦

К медицинскому центру мы приехали ближе к вечеру.

Дорога заняла почти час. Административный район остался позади, уступив место жилым кварталам, торговым улицам и транспортным развязкам. Чем дальше мы отъезжали от центра, тем заметнее становились промышленные территории. Здесь находились склады, небольшие производства, частные клиники и жилые комплексы, построенные вдоль старой пригородной дороги.

Район был достаточно оживлённым, чтобы не привлекать внимания к отдельному медицинскому учреждению, но при этом располагался далеко от основных городских маршрутов.

Удобное место для центра восстановительной терапии.

И не менее удобное для тех, кто предпочитал оставаться незаметным.

Дариан вёл машину, время от времени сверяясь с навигатором. Рейна изучала схему территории, которую распечатала перед выездом. Я просматривала на телефоне фотографии служебных входов и соседних зданий.

— Частная охранная организация зарегистрирована три месяца назад, — сообщил Дариан. — Формально занимается сопровождением грузов и защитой коммерческой недвижимости. Кто именно отдаёт распоряжения её сотрудникам на территории клиники, пока неизвестно.

— Договор с «Розенхаймом»? — уточнила Рейна.

— Прямого не нашёл. Но два автомобиля компании регулярно появляются поблизости.

Рейна посмотрела на схему.

— Значит, будем считать, что у центра есть внешнее наблюдение. Сначала проверим, где расположены их посты, потом решим, откуда работать.

Мы остановились в нескольких кварталах от основного въезда.

«Розенхайм» выглядел вполне прилично. Светлый фасад, ухоженная территория, аккуратные дорожки. За ограждением располагались основной корпус и два технических здания, соединённых служебными переходами. На парковке стояло несколько автомобилей.

Если бы не вчерашние документы, я вряд ли обратила бы на него внимание.

Рейна разложила схему на капоте.

— Дариан, тебе удобнее будет работать с западного проезда. Там видны служебные ворота и парковка. Я останусь с южной стороны. Сеси, посмотри площадку возле складов. Оттуда должен открываться обзор технического корпуса.

Я изучила отмеченный участок.

— Там три камеры. Две направлены на въезд, третья захватывает часть улицы. Если подойти слишком близко, нас могут заметить.

Рейна подняла глаза.

— Есть вариант лучше?

— Старое складское здание напротив. Со второго этажа видно технический корпус. Если проход со двора открыт, можно наблюдать через окна.

Дариан проверил карту.

— Там есть служебная лестница. Но здание заброшено, состояние неизвестно.

— Проверим вместе, — решила Рейна. — Если внутри безопасно, Сеси останется там. Если нет, используем первоначальную позицию.

Я кивнула.

— Только без экскурсии по всем этажам. Я сегодня и так не выспалась.

— Скажешь это Виктору, когда он спросит, почему мы потратили полчаса на выбор окна, — заметил Дариан.

— Скажу, что виноват разведчик.

— Даже не сомневался.

Мы обменялись короткими улыбками и приступили к работе.

Склад оказался почти пустым. Большая часть помещений давно не использовалась, на полу лежали обломки штукатурки и старые упаковочные материалы. Лестница сохранилась, хотя несколько ступеней выглядели сомнительно. Рейна проверила проход первой, после чего разрешила использовать верхний этаж для наблюдения.

Дариан занял позицию возле западного проезда. Рейна

контролировала основную парковку и служебный въезд. Я устроилась возле окна на втором этаже склада, откуда просматривалась часть технического корпуса.

Первые сорок минут ничего необычного не происходило.

Несколько машин покинули территорию, одна доставила медицинские материалы. Сотрудники перемещались между зданиями, охрана регулярно проверяла служебные входы.

Обычная работа медицинского центра.

Только меры безопасности выглядели слишком тщательно организованными.

Камеры контролировали не только въезды, но и соседние улицы. Двое охранников несколько раз меняли позиции возле технического корпуса. Каждый автомобиль, направлявшийся к служебным воротам, проходил отдельную проверку.

Дариан первым заметил закономерность.

— У нас патрульная машина повторяет маршрут. За последние сорок минут водитель дважды останавливался возле одного и того же перекрёстка.

— Проверяет территорию? — спросила Рейна.

— Возможно. Но оба раза подходил к тёмному внедорожнику, припаркованному на соседней улице.

Он передал фотографию.

Номер принадлежал той самой охранной организации.

Рейна некоторое время изучала изображение.

— Значит, внешние посты действительно есть. Нужно понять, что они контролируют.

Я выглянула из-за оконной рамы.

С моей позиции был виден перекрёсток, где несколько минут назад останавливалась патрульная машина. Внедорожник находился слишком далеко, чтобы разглядеть водителя, но его расположение позволяло наблюдать за частью дороги и складским комплексом.

— Рейна, он видит западный проезд и подъезд к нашему зданию.

— Поняла. Дариан, проверь, не реагирует ли патруль на движение в твоём секторе. Сеси, оставайся на месте.

Мы продолжили наблюдение.

Вскоре на территорию въехал фургон с медицинской маркировкой. Вместо основного корпуса он направился к техническому блоку. Двое сотрудников встретили машину возле бокового входа и начали выгружать герметичные контейнеры.

Я подняла камеру и приблизила изображение.

На одном из контейнеров виднелась маркировка. Несколько символов совпадали с внутренним кодом, который Дариан обнаружил в медицинских документах.

— Рейна, у меня поставка возле технического корпуса. На контейнерах похожая маркировка.

— Вижу. Дариан, зафиксируй машину и время прибытия.

Сотрудники действовали быстро. Один проверял документы, второй перемещал контейнеры на металлическую тележку. Когда служебная дверь открылась, я успела увидеть

часть помещения за ней.

Металлические поверхности, медицинское оборудование и тёмные пятна на полу.

Сначала я не придала им значения. Затем один из сотрудников снял перчатки.

На них остались бурые следы.

Кровь.

Я задержала взгляд на изображении.

В глубине помещения появилась каталка. Под белой простынёй угадывались очертания тела. Один из сотрудников придерживал ткань, пока второй разворачивал каталку. На мгновение показалась человеческая рука.

На запястье виднелись тёмные полосы.

Я увеличила фотографию.

Сходство с изменениями у вчерашнего задержанного было слишком явным, чтобы его игнорировать. Но качество изображения не позволяло определить, действительно ли речь шла об одном и том же процессе.

— Рейна, посмотри на снимок, который я отправила.

Несколько секунд она молчала.

— Вижу. Очень похоже.

— Передаю Виктору?

— Да. И пока не двигаемся. Нужно понять, что происходит.

Я отправила фотографии командиру, приложив короткое сообщение о поставке и возможных изменениях тканей у па-

циента.

Ответ пришёл быстро. Виктор потребовал сохранять дистанцию и ждать подкрепления. Мы подтвердили получение распоряжения. Однако через несколько секунд ситуация изменилась. Один из сотрудников возле служебного входа поднял голову и посмотрел в сторону склада. Я замерла.

Между нами находились ограждение, деревья и часть соседнего здания. Он не мог видеть меня напрямую, но его взгляд задержался именно на том участке, где я располагалась. Затем мужчина что-то произнёс напарнику. Оба скрылись внутри. Почти одновременно тёмный внедорожник покинул парковку.

— Рейна, один из сотрудников мог заметить наблюдение.

— Поняла. Пока ничего не меняем.

Дариан сообщил, что патрульная машина изменила маршрут и направляется к западному проезду.

Рейна выругалась.

— Похоже, нас проверяют. Дариан, начинай отходить к резервной точке. Сеси, не выходи из здания, пока не убедишься, что проход свободен.

Я уже собиралась ответить, когда связь с Дарианом прервалась.

— Дариан?

Тишина.

Рейна повторила вызов.

Через несколько секунд в наушнике раздался его голос.

— Двое неизвестных. Двигаются ко мне с разных сторон.

— Отходи, не вступай в контакт, — ответила Рейна.

— Пытаюсь.

Послышался металлический удар. Затем короткий шум борьбы. Мы с Рейной одновременно двинулись к Дариану, каждая со своей позиции. Я сбежала по старой лестнице и, проверив проход, выбралась во двор склада. Рейна подходила с другой стороны проезда и уже связывалась со штабом, сообщая о нападении.

Дариан находился возле ограждения между двумя зданиями. Один из нападавших перекрывал ему выход на улицу, второй пытался зайти со спины. Он успел отбить первый удар, но противник схватил его за плечо и с силой впечатал в металлическую конструкцию.

Раздался неприятный хруст. Я рванулась вперёд.

Мужчина развернулся ко мне, и я заметила, как его пальцы меняют форму. Ногти вытянулись в тёмные когти, кожа на предплечьях пошла неровными буграми.

Превращение происходило неправильно.

Обычно тело оборотня менялось последовательно, подчиняясь привычному ритму. Здесь мышцы сокращались судорожно, суставы двигались с заметными нарушениями, словно организм пытался удержать форму, к которой не был приспособлен.

Я перехватила его руку и попыталась вывести из равновесия, но противник оказался значительно сильнее обычного

оборотня. Он резко дёрнулся, освободился от захвата и ударил меня в рёбра.

Воздух вышел из лёгких.

Я отступила, восстанавливая дыхание. Он уже двигался следом, пытаясь добраться до шеи. Я успела подставить предплечье.

Когти разорвали рукав и рассекли кожу. Нападавший на мгновение скосил глаза на кровь, оставшуюся у него на когтях, и резко втянул воздух, будто уловил что-то неожиданное.

Боль была острой, но терпимой.

Гораздо хуже оказалось ощущение, возникшее при контакте с его кровью.

На мгновение мир словно потерял привычную чёткость. Я почувствовала знакомую слабость, ту самую, что возникла вчера при прикосновении к задержанному. Чужая кровь будто оставила неприятный след где-то внутри моего восприятия. Я заставила себя сосредоточиться.

Рейна тем временем удерживала второго нападавшего возле стены. Она частично изменила форму, усилив мышцы рук и плеч. Её движения оставались точными и экономными, но противник обладал необычной выносливостью. Он несколько раз пытался вырваться, оставляя на её куртке глубокие разрывы. Первый мужчина снова бросился на меня. Я позволила превращению пройти дальше.

Кости перестроились, мышцы напряглись, позвоночник

выгнулся. Боль от повреждённых рёбер на мгновение усилилась, но затем восприятие изменилось. Запахи стали отчётливее, движения противника легче различались, а звуки разделились на отдельные источники.

Теперь перед ним стояла крупная серебристо-белая волчица.

Мужчина замешкался. Его взгляд задержался на моей морде, потом скользнул к красным глазам. На секунду в нём промелькнуло осмысленное узнавание — слишком явное для обычного испуга. Но уже в следующее мгновение мышцы на его шее болезненно дёрнулись.

Этого хватило, чтобы сбить его с ног.

Я прижала его к земле, удерживая за плечо. Он продолжал сопротивляться, но движения становились всё менее согласованными. Под кожей мышцы сокращались слишком резко, почти болезненно. Затем он неожиданно перестал бороться. Я почувствовала резкий химический запах. Из его рта потекла кровь.

Я отскочила прежде, чем тело начало биться в судорогах.

Вернувшись в человеческую форму, я бросила взгляд на Дариана. Он стоял возле ограждения, прижимая повреждённую руку к груди. Лицо побледнело, но сознание он не потерял.

— Плечо? — спросила я.

— Кажется, вывих.

— Выглядит паршиво.

— Спасибо. Очень помогла.

— Обращайся.

Я осторожно проверила его состояние, стараясь не тревожить повреждённую руку. Дариан скривился, когда я коснулась плеча.

Рейна уже справилась со вторым нападавшим. Тот лежал на земле, удерживаемый за руки, но продолжал сопротивляться. На боку у неё темнели пятна крови.

— Рейна, ты ранена.

— Вижу.

— Дай посмотреть.

Она быстро показала повреждение. Несколько глубоких порезов, но сильного кровотечения не было.

— Медики уже едут, — сообщила она. — Виктор отправил подкрепление.

Мужчина, которого она удерживала, повернул голову. На шее под воротником проступали тонкие тёмные линии. Я присела перед ним, сохраняя дистанцию.

— Кто вас направил?

Он посмотрел на меня, затем на повреждённую руку. Его взгляд задержался на крови, стекавшей по пальцам.

— Вы не должны были сюда приходить.

— Это уже не тебе решать.

Мужчина усмехнулся, обнажив окровавленные зубы.

— Вы ничего не понимаете.

— Ну так объясни.

Он замолчал. На несколько секунд выражение лица изменилось. Вместо злости появилось что-то похожее на страх.

— Они уже закончили.

Я нахмурилась.

— Что закончили?

Ответа не последовало.

Его тело резко напряглось, и он попытался вырваться. Рейна удержала его, не позволяя подняться. Под кожей на шее задержанного начали проступать новые тёмные полосы.

— Сеси, отойди, — резко сказала она.

Я сразу отступила.

В этот момент из медицинского центра донёсся металлический грохот. Несколько окон технического корпуса погасли, а через боковой выход появились двое сотрудников. Один нёс небольшой контейнер, второй держал оружие.

Я посмотрела в сторону служебного въезда.

Между нами и зданием оставалось слишком большое расстояние. Преследовать их означало бы оставить Дариана с повреждённым плечом, Рейну с ранениями и задержанного, который мог потерять сознание в любую секунду.

Рейна тоже оценила ситуацию.

— Не преследуем. Дариан, передай направление движения. Сеси, оставайся рядом, пока не прибудет подкрепление.

Я кивнула.

Сотрудники скрылись за техническим корпусом. Через несколько секунд на парковке завёлся двигатель. Один из ав-

томобилей выехал через задние ворота.

Мы могли только наблюдать.

Подкрепление прибыло спустя несколько минут.

Медики сразу занялись Дарианом и Рейной, а я передала прибывшим сотрудникам собранные фотографии и сведения о контейнерах. Оба нападавших были доставлены в изолированное отделение. Состояние первого оставалось нестабильным, второй также нуждался в медицинской помощи.

К тому времени закрытый технический корпус «Розенхайма» практически прекратил работу. Его служебные двери заперли, дежурные перестали отвечать, а изображение с камер пропало. В основном здании продолжали гореть окна. Кто распорядился изолировать корпус и имел ли этот человек отношение к нападению, нам ещё предстояло установить.

Мы потеряли возможность продолжать скрытое наблюдение.

Когда я наконец отошла к машине, боль в рёбрах стала заметно сильнее. Повреждённая рука кровоточила, а кожа вокруг порезов неприятно покалывала.

Я посмотрела на фотографии контейнеров. На снимках были лишь цифры, пломбы и смазанные силуэты. Но я слишком хорошо помнила, как те двое целенаправленно перекрывали нам отход. Пока мы не знали, защищали они клинику, конкретный груз или собственные тайны.

Один из них имел ту же маркировку, что и документы по-

дозрительных медицинских переводов. Это было первое серьёзное подтверждение связи между учреждением и нашим расследованием. Однако цена оказалась выше, чем я рассчитывала.

Виктор выслушал предварительный доклад по телефону. Его голос оставался спокойным, но я знала этот тон. Он уже оценивал не только полученные сведения, но и последствия для всей группы.

— Состояние сотрудников?

— Дариан с повреждением плеча. У Рейны порезы на боку. У меня ушиб рёбер и рана предплечья. Все в сознании.

— Медицинское обследование сегодня. Полным составом.

— Уже направляемся.

Он помолчал.

— Завтра разберём, почему вас обнаружили раньше, чем вы успели отойти.

Я посмотрела на ограждение медицинского центра.

— Мне тоже хотелось бы это знать.

— И Сесилия. Никаких дополнительных действий до завершения обследования.

— Поняла.

Я отключила связь.

Вчера мы задержали человека, которого по документам уже не было в живых. Сегодня двое неизвестных едва не покалечили моих напарников за попытку наблюдать за меди-

цинским центром. Образцы, фотографии и показания теперь изучат специалисты. Мне же хотелось знать, почему за аккуратными воротами клиники кто-то предпочёл рискнуть нападением, лишь бы мы не заглянули дальше.

Но мне всё ещё не давал покоя взгляд первого нападавшего.

Когда я превратилась, он замер не от страха.

Он словно узнал меня.

И я совершенно не понимала почему.

✦ ✦ ✦

В медицинском отделе УБС меня продержали почти два часа. Проверили рёбра, обработали раны, взяли кровь на анализ и несколько раз поинтересовались, не испытываю ли я головокружения.

На последнем вопросе я предложила врачу добавить в карту проверку устойчивости к бессмысленным повторениям. Он ответил, что по этому показателю у меня уже имеются серьёзные отклонения.

С переломами обошлось. Сильный ушиб грудной клетки, несколько глубоких порезов и повреждение мягких тканей предплечья. Для оборотня ничего необычного, однако покраснение вокруг раны насторожило врача.

Он не исключал воздействия неизвестного вещества, оставшегося на когтях нападавшего.

Предварительные исследования не выявили признаков заражения, но окончательные результаты обещали позже. До

их получения мне рекомендовали отказаться от значительных нагрузок и превращений.

Дариану повезло меньше. Вывих плеча сопровождался повреждением связок, поэтому его временно отстранили от полевых задач. Рейне обработали порезы и назначили повторные анализы из-за возможного контакта с кровью противника.

Никто из нас не получил критических травм. Но продолжать работу привычным составом в ближайшие дни мы не могли.

Виктор встретил эту новость без особого энтузиазма.

— Завтра разберём операцию подробно, — сказал он, когда я зашла подписать последние документы. — Сегодня отправляйся домой.

— У меня остались материалы по «Розенхайму».

— Их уже передали аналитикам.

— Я хотела проверить несколько совпадений.

Виктор поднял голову.

— Сесилия, у тебя повреждена рука, ушиблены рёбра и результаты анализов ещё не готовы. Если завтра выяснится, что ты провела ночь за документами, я найду тебе занятие, не требующее выхода из здания.

— Угрожаешь перевести в архив?

— Не испытывай моё терпение.

Я усмехнулась, но спорить не стала.

Он чертовски был прав. Продолжать работу в таком со-

стоянии было бы довольно глупо. Да и собственные ощущения после столкновения с нападавшим требовали не меньшего внимания, чем медицинские результаты.

Прежде чем уйти, я проверила последние сведения о задержанных. Оба оставались живы. Один находился без сознания, второй пришёл в себя, но пока не давал показаний. Сотрудников «Розенхайма», покинувших территорию во время нападения, продолжали искать. Сам объект находился под контролем прибывшего подразделения.

Мы получили достаточно оснований, чтобы продолжить расследование. Но я всё ещё не понимала, почему охрана медицинского учреждения предпочла нападение на оперативников обычной проверке документов.

Возможно, кто-то не хотел, чтобы мы увидели содержимое контейнеров.

Возможно, за закрытыми дверями происходило нечто гораздо хуже.

А возможно, нас действительно ждали.

✦ ✦ ✦

К родителям я добралась около десяти вечера.

После двух часов в медицинском отделе, повторных анализов и разговора с Виктором перспектива провести остаток дня в одиночестве казалась весьма привлекательной. Но мама уже знала о моих травмах и потребовала заехать.

Спорить с ней по телефону оказалось сложнее, чем с командиром.

Дверь открыл Кайден. Он прислонился плечом к косяку, откинул со лба каштановую волнистую прядь и окинул меня внимательным взглядом орехово-карих глаз. Привычная насмешливая улыбка пропала, едва он заметил повязку.

— Вижу, работа у вас кипит.

— У тебя тоже, судя по количеству свободного времени на глупые комментарии.

— Я сегодня отработал без единой дырки в организме. Решил попробовать что-то новое.

Я отодвинула его и прошла в прихожую.

— Поздравляю. Осталось научиться не мешать людям проходить.

Кайден забрал у меня куртку, повесил на крючок и снова посмотрел на руку.

— Серьёзно задело?

— Порезы, ушиб рёбер. Врачи осмотрели.

— Анализы?

— Взяли. Результаты ещё не все готовы.

Он кивнул, больше не расспрашивая. Кайден умел вовремя остановиться, когда понимал, что я не могу обсуждать служебные подробности.

На кухне пахло запечённым мясом и травами. Мама стояла возле плиты, убрав тёмно-русые волосы от лица. Она мельком взглянула на меня светло-карими глазами и сразу заметила повязку. Отец сидел в гостиной с раскрытой книгой; короткие тёмные волосы уже заметно поседели, а возле

брови белел знакомый шрам. Рядом на столике стояла чашка давно остывшего чая.

Услышав мои шаги, Гаррет поднял глаза и сразу заметил повязку на предплечье.

— Опять?

— Я тоже рада тебя видеть, пап.

— Рёбра целы?

— Относительно.

Он закрыл книгу, оставив между страницами закладку.

— Это слово мне не нравится.

— Мне тоже. Особенно когда врач произносит его перед обследованием.

Гаррет коротко усмехнулся, но взгляд оставался серьёзным.

— Что с группой?

— Дариан повредил плечо, Рейне досталось меньше. Оба под наблюдением, угрозы жизни нет.

Он кивнул, но продолжал смотреть на меня.

— Тебя обнаружили во время работы?

Я взяла со стола стакан воды.

— Да. Причём раньше, чем мы рассчитывали.

— Значит, где-то ошиблись.

— Спасибо, пап. Мне сегодня этого ещё никто не говорил.

— Я не говорю, что ошиблась ты.

Я подняла на него взгляд. Он говорил спокойно, без упрёка.

— Разберёте операцию, найдёте причину. Сейчас поешь.

Из кухни донёсся голос Кайдена.

— Вот это поворот. Я думал, у нас сначала дисциплинарное заседание, потом ужин.

— Если тебе не хватает заседаний на работе, можем устроить отдельно, — отозвался отец.

Я улыбнулась.

Кайден появился в дверях и уселся напротив меня.

— Кстати, Сеси, у меня вопрос. Ты специально выбираешь противников, после которых приходится покупать новую одежду?

Я посмотрела на испорченный рукав своей рубашки.

— Нет. Иногда они сами проявляют инициативу.

— Жаль. А то я хотел предложить тебе познакомиться с портным. Судя по всему, у вас могли бы сложиться долгосрочные отношения.

— Лучше дай его номер себе. Может, он наконец подберёт тебе нормальные брюки.

Мама поставила на стол блюдо с мясом.

— Если вы закончили, можно хотя бы спокойно поужинать?

— Я только начал, — невозмутимо ответил Кайден.

— Тогда закончишь после ужина.

Он развёл руками, изображая полное подчинение. Я не удержалась от усмешки.

За столом разговор постепенно перешёл на обычные дела.

Мама рассказывала о проблемах в клинике, отец недовольно вспоминал одного из своих учеников, а Кайден жаловался на новое руководство, которое, по его словам, научилось составлять отчёты значительно быстрее, чем принимать решения.

Я слушала, изредка вмешиваясь в разговор. Домашний шум действовал лучше любых успокоительных. После последних суток даже споры о том, кто опять забыл купить продукты, казались удивительно приятными.

Когда родители занялись посудой, Кайден задержался рядом со мной.

— Ты сегодня какая-то тихая.

— Наслаждайся. Такое нечасто случается.

— Я заметил.

Он прислонился к дверному проёму, скрестив руки.

— Серьёзное дело?

Я посмотрела на него.

— Пока не знаю.

— Убедительно.

— Это всё, что могу сказать.

Кайден кивнул. Он достаточно долго работал во внутренней безопасности, чтобы не требовать подробностей, которые ему не положено знать.

— Тогда просто не делай глупостей. У нас в управлении и без тебя хватает героев, которым потом оформляют служебные проверки.

— Как трогательно. Переживаешь за мою карьеру?

— За количество бумажной работы. Если с тобой что-нибудь случится, меня наверняка заставят участвовать в разбирательстве.

Я усмехнулась.

— Какая редкая форма братской заботы.

— Другой не завезли.

Он уже собирался уйти, но на секунду задержался возле двери.

— И, Сеси, результаты анализов не забудь показать матери. Иначе она доберётся до твоего врача раньше тебя.

— Это угроза?

— Предупреждение от человека с опытом.

Я проводила его взглядом и покачала головой. Раздражающий тип. К счастью, мне достался именно он.

Телефон завибрировал, когда я потянулась за курткой.

На экране появилось уведомление из медицинского отдела УБС. Дополнительное исследование образцов крови двух задержанных завершилось, а материалы передали на дальнейшую проверку.

Я открыла заключение.

Специалисты обнаружили у обоих сходные изменения тканей и необычную реакцию на один из диагностических реагентов. В примечании указывалось, что похожие отклонения встречались в архивных исследованиях, доступ к которым был ограничен. Я перечитала последнюю часть доку-

мента. Получалось, что кто-то уже сталкивался с подобными изменениями. Возможно, гораздо раньше, чем началась наша операция.

За спиной послышался голос мамы, спрашивавшей, собираюсь ли я забрать с собой ужин. Я погасила экран и ответила, что собираюсь. Впервые за весь вечер мне совершенно не хотелось объяснять, о чём я думаю. Потому что теперь меня беспокоили не только люди, которые могли стоять за незаконными экспериментами.

Меня интересовало, почему сведения о подобных случаях уже хранились в наших собственных архивах.